

4. Бхагавадгита. – К., 2008.
5. **Бхактиведанта Свами Прабхупада А. Ч.** Шримад Бхагаватам. Первая песнь «Творение» (гл. 1–9) / А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. – М., 2008.
6. **Завгородній Ю. Ю.** Індійська філософія у творчості С. С. Гогоцького (як приклад професійної відкритості) / Ю. Ю. Завгородній // Наукові записки КМА. Філософія та релігієзнавство. – Т. 37. – С. 54–61.
7. Мандукья Упанишада. – Режим доступа: <http://upanishads.ru/mandukya.htm>
8. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / Отв. ред. М. Я. Корнеев, Е. А. Торчинов. – 2-е изд. – СПб., 2001.
9. Чхандогья-упанишада. – Режим доступа: <http://upanishads.ru/chhandogya.htm>
10. **Шивананда Свами.** Золотая книга йоги Йога-самхита (Энциклопедия Богопознания, самореализации и мудрости) / Свами Шивананда. – М., 2004.
11. **Элиаде М.** Йога: свобода и бессмертие. – К., 2000.

Надійшла до редколегії 06.01.11

УДК 165.7

М. С. Редько

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СИМУЛЯКР» В ТВОРЧЕСТВЕ Ж. БОДРИЙЯРА

Простежена еволюція поняття «симулякр» у філософії Жана Бодрийяра. Виявлена залежність багатоманітних сфер культури від симулякрів різних рівнів.

Ключові слова: симулякр, подібність, темпоральність, підробка, симуляція, гіперреальність, постмодернізм.

Прослежено еволюцію поняття «симулякр» в філософії Жана Бодрийяра. Виявлено залежність багатоманітних сфер культури від симулякрів різних рівнів.

Ключевые слова: симулякр, подобие, темпоральность, подделка, симуляция, гиперреальность, постмодернизм.

The article is devoted to the evolution of the concept «simulacrum» in the philosophy of Jean Baudrillard. Viewed influence of the different levels of simulacra on various sphere of culture.

Keywords: simulacrum, likeness, temporality, forgery (imitation), simulation, giperreality, postmodernism.

Будучи частию постмодерністської дійсності, в якій відбувається інформатизація суспільства, створення «віртуального світу», де не існують жодні цінності, а домінує лише інформативність і подібність, де гіперреальність поглинає реальність і культурні парадигми замінюються симулякрами, – саме ці фактори є переконливими підтвердженнями актуальності теми, яку представляє стаття.

Personalia. Фундаментальний внесок в дослідження місця і ролі симулякрів в сучасній культурі внесли Л. Альтюссер, Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, П. Гринуэй, Г. Дебор, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Джеймсон, Ж. Клодсовський, Ж.-Ф. Ліотар, М. Фуко, У. Еко.

В числі вітчизняних і зарубіжних учених, які відслідковують (в метафізическому і культурно-онтологічному аспектах) трансформаційні «судьби» «подделочних», симуляційних, спектаклярних («перформенських») «ликів» постмодернізму – П. Вайль, А. Геніс, О. Забужко, І. Ільїн,

А. Кулик, Т. Метелева, В. Огороков, Б. Парамонов, В. Пронякин, К. Свасьян,
Д. Серль, М. Эпштейн и другие.

Основная часть. На протяжении столетий интерпретация понятия «симулякр» имела разные оттенки, особенности и характеристики. Несмотря на то, что латинский перевод слова «*simulacrum*» обозначает: подобие, копия, видимость, – каждая эпоха и ее представители видели в данном понятии новые грани проявления. Свое начало, как философское понятие, симулякр получает в античный период, а точнее – в Платоновской теории идей. Платон задается вопросом: насколько адекватно и правдиво физические «вещи» копируют свои идеальные первообразы и соотносятся с оригиналами? И отвечает на него: существуют две разновидности копий – те, что адекватно отражают оригинал (подобие), а также те, что искажают его – симулякры (подделки, призраки). Таким образом, в античности симулякр означал подобие действительности как результат подражания ей. Новый виток истории привнес в его интерпретацию ряд новых проявлений, связанных с игрой подменной действительности; в культуре это проявлялось по-разному: как деланье ложных окон или потемкинских деревень; ряд эстетических инноваций Классицизма, Просвещения, Романтизма постепенно продвигали культуру в сторону симуляции, имитации, замены и подмены реальности. Тотального распространения рассматриваемое здесь понятие достигло в эпоху постмодерна в XX в., когда его исследованием занялся французский философ, социолог и фотограф Ж. Бодрийяр. Именно у Ж. Бодрийяра понятие симулякр вводится в широком смысле для описания современной как философской, социальной, культурной, так и политической ситуации в цивилизованном мире. Благодаря его исследованиям весь социокультурный мир стал одним большим симулякром. Власть, социальные установления, политические партии, культурные институты, включая всю сферу искусства, не занимаются серьезными, реальными вещами и проблемами, а только симулируют в глобальных масштабах. Мы живем в бескрайнем море симулякров, образующих гиперреальное пространство, которое, по Ж. Бодрийяру, стало реальнее самой реальности, ибо нам приходится жить и действовать только в его рамках.

Впервые погрузив симулякр в пространство социокультурного опыта, Ж. Бодрийяр показал, что это не только игра подобиями, это определенные маркеры реальности, которые приобретают смысл в определенной среде. Рассуждая, таким образом, в работе «Символический обмен и смерть», он сформулировал историческую схему «трех порядков» симулякров, сменяющих друг друга в новоевропейской цивилизации от Возрождения до наших дней: подделка – «симулякр природный» (от Ренессанса до промышленной революции); производство – «симулякр производственный» (промышленная эпоха); симуляция – «симулякр симуляции» (современность). Третий порядок является господствующим типом современной эпохи, которые регулируются кодом. «Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего – на основе структурного закона ценности» [2, с. 113].

Изучая причины возникновения того или иного типа симулякра, мыслитель приходит к выводу о том, что следствием возникновения подделки в эпоху Возрождения стала смена феодального устройства на буржуазный, где возникла необходимость в открытых соревнованиях за знаки отличия. Свободный доступ к знакам способствовал развитию «конкурентной демократии», узаконивая статус подделки, которая «идет на всех уровнях, от ложного жилета (только спереди) до лепных интерьеров и грандиозных театральных машин барокко. Начиная с Возрождения театральность охватывает все формы социальной жизни и архитектуры. Именно здесь, в дерзаниях лепной скульптуры и барочного искусства, метафизика подделки распознается как новое устремление людей Возрождения к светской демиургии, к преображению любой природы в одну единственную субстанцию, по своему театральному характеру подобную социальной жизни, унифицируемой под знаком буржуазных ценностей, независимо от различий по крови, рангу и касте» [2, с. 116].

Симулякр второго порядка основывается на серийности, угасании оригинальной референтности знака. В знаках периода промышленной революции отсутствует кастовая традиция и статусные ограничения, поэтому нет смысла их подделывать, так как они первично изготавливаются в огромных масштабах. Серийное производство приводит к тому, что вещи превращаются на симулякры друг друга, а вместе с ним и люди, которые их производят.

Эра промышленных симулякров довольно быстро сменяется эрой симулятивных моделей, когда любые формы выводятся путем моделирования различий, а не производством подделок или серийных вещей. «Это уже не подделка оригинала, как в симулякрах первого порядка, но и не чистая серийность, как в симулякрах второго порядка; здесь все формы выводятся из моделей путем моделирования отличий. Смысл имеет только соотносительность с моделью, и все теперь не происходит согласно собственной целенаправленности, а выводится из модели, из «референтного означающего», образующего как бы опережающую целевую установку и единственный фактор правдоподобия» [2, с. 124].

В этой трехчленной схеме можно заметить асимметрию, связанную с неоднородностью объектов, которые становятся «моделями» для симулякров: если подделка (например, имитация дорогих материалов в платье или архитектурном убранстве) и производство (изготовление серийных, идентичных друг другу промышленных изделий) касаются материальных вещей, то симуляция, как о том говорит языковое употребление данного слова, применяется, скорее, к процессам (симуляция поступков, деятельности) или символическим сущностям (симуляция болезни и т.п.). В его «Системе вещей» уже упоминался «симулякр природы», обозначающий идею «природы» и искусственно создаваемый в своем быту; или «фантазм сублимированной подлинности», симулякр «истории», столь же искусственно поддерживаемый в современном доме благодаря вкраплению в него кое-каких фрагментов старинного здания, разрушенного при его постройке; в обоих случаях предметом симуляции являются абстрактные ценности (Природа, История), но опирается она все-таки на конкретно-вещественные, «поддельные» (то есть стадияльно более ранние) элементы — яркую окраску предметов народного быта, старинные камни, сохраненные в стене новостройки. В произведении «Символический обмен и смерть» акцент делается уже на чисто действительных аспектах симуляции, где нет ни вещи как таковой, ни даже вещества.

Проблема симулякра у Ж. Бодрийяра оказывается связанной с проблемой темпоральности, где разрыв, «отсроченность» создают возможность искажения, симуляции реальности. Поэтому в соответствии с тремя порядками симулякров, о которых говорилось прежде, Ж. Бодрийяр выделяет 3 этапа: на стадии подделки образ отражает глубинную реальность, на стадии производства искривляет и маскирует реальность, на симулятивной стадии репрезентирует образ, который скрывает отсутствие всякой глубинной реальности. На последней стадии, считает мыслитель, становится возможным подрыв системы. И в 1990 Ж. Бодрийяр был вынужден добавить к трем первым стадиям, намеченным в произведении «Символический обмен и смерть», еще одну: «После природной стадии, рыночной стадии и структурной стадии наступила фрактальная стадия ценности. На этой фрактальной стадии (процессов и дробных объектов, состоящих из хаотически сцепленных мелких частиц) больше нет эквивалентности: ни природной, ни вообще никакой, есть только своего рода эпидемия ценности (повсеместные метастазы ценности, ее распространение и рассеяние)» [1, с. 142]. Поэтому на 4-й, фрактальной стадии симуляции образ уже утрачивает всякую связь с реальностью. Обмен между знаками и реальностью прекращается — знаки соотносятся лишь друг с другом, образуя симуляционную сферу — гиперреальность, состоящую исключительно из знаков.

В 1981 г. Ж. Бодрийяр несколько модифицирует порядок симулякров в очередном произведении «Симулякр и симуляция», которая принесла ему всемирную известность. Теперь он выделяет: симулякры природные, натуралистические — симулякры производственные, направленные на повышение уровня продуктивности — симулякры симуляции. Также он по-иному трактует природу

симулякра, теперь, по его мнению, первые симулякры основаны на изображении, имитации и подделке, другие – на энергии, силе и материальном воплощении машин во всей системе производства, а третьи – на информации, модели, кибернетической игре. Симулякры первого порядка характеризуются как гармоничные, оптимистичные, направленные на обновление по образу и подобию Бога. Другой порядок характеризуется непрерывной экспансией к высвобождению бесконечной энергии, а третьи обособляют операционность, гиперреальность, стремление к тотальному контролю.

Также значительную коррекцию претерпевают представления Ж. Бодрийяра о природе симулякра в 1983 г., когда он работает над своим произведением «Экстаз коммуникации». В нем он говорит (в отличие от «Системы вещей») «о наполненности знаков смыслом, которые владеют определенной реальностью» [4, с. 32], утверждая, что уже не существует никакой системы вещей, что теперь вещи владеют реальностью. Современность характеризуется только лишь эффектами реальности, истины и объективности, но реальности в себе не имеет. Вторым характерным дополнением становится утверждение о том, что если использовать Лакановскую схему «реальное – воображаемое – символическое» и двигаться от символического к реальному, то можно выйти за границы реальности. Это дало Ж. Бодрийяру уверенность в том, что реальность является «нулевой степенью» виртуальности. Более того, философ убедился в том, что понятие виртуальность тождественно понятию гиперреальность, которая, благодаря своей совершенности, более реальна, чем известный симулякр реальности. «It is not illusion which conceals reality. It is reality which conceals the fact that there is none» («Это не иллюзия, которая скрывает реальность. Это реальность, которая скрывает тот факт, что ее там нет») [5, с. 11].

Мы живем в мире, где реальность подменяется гиперреальностью, поэтому территория больше не предшествует карте и не живет дольше ее самой, копия начинает доминировать над оригиналом и жить собственной жизнью. «Отныне карта предшествует территории – преемственность симулякров – именно она порождает территорию» [3, с. 6].

Современность утрачивает таинственность, утрачивает отличие, которое и создавало поэзию карты и очарование территории, не существует больше зеркала сущности и видимости, реального и его концепта, мерой симуляции становится генетическая минипоаризация матриц и моделей управления. Настала новая эра – эра симулякров, где ликвидируются какие-либо другие референции. «Уже не идет речь ни про имитацию, ни о повторении, и даже ни о пародии. Речь идет о субституции, замена реального знаками реального, т. е. про операцию с предупреждением какого-либо реального процесса с помощью его оперативной копии, метастабильного сигнального механизма, программированного и совершенного, который представляет все знаки реального и все его неожиданные повороты» [3, с. 7].

Выводы. Подводя итоги обзора о ходе трансформации понятия симулякра в творчестве Ж. Бодрийяра, можно с уверенностью заявить о том, что порядок симулякров одержал полную победу над реальным миром, поскольку он сумел навязать этому миру свое время, порядки и модели темпоральности. «Симуляция такова, что ее невозможно преодолеть, невозможно выйти за ее границы, она матовая и не имеет внешнего проявления...» [3, с. 177]. Но бесспорным остается факт зависимости всех сфер культуры от симулякров разных уровней. В этой ситуации, когда возникает ощущение беспомощности и нестабильности перед громадным скоплением культурных ценностей и усталости перед все возрастающей гиперреализацией, следует и дальше активно творить, искать, играть, импровизировать, стремясь сохранить внутреннюю устойчивость к действительности.

Библиографические ссылки

1. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/bodr_paroli
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/bodriyar_cimvolicheskiy

3. Бодрийяр Ж. Симуляція і симулякр / Ж. Бодрийяр. – К., 2004.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: http://www.u.ru/biblio/archive/bodriyar_sistema
5. Baudrillard J. Fragments: Cool Memories III, 1990-1995 / J. Baudrillard. – Режим доступа: <http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/index.html>

Надійшла до редколегії 04.01.11

УДК 1(091)

Г. І. Савонова

Слов'янський державний педагогічний університет

ОСОБЛИВОСТІ ЕСТЕТИЧНИХ ПОГЛЯДІВ Н.О. БЕРДЯЄВА НА КУЛЬТУРУ МОДЕРНІЗМУ

Йдеться про маловивчений напрямок філософії М. Бердяєва. Проаналізовано естетично-філософське сприйняття Бердяєвим нової течії в культурі через призму філософії волі й творчості. Зроблено акцент на уявленні М. Бердяєва про можливості подальшої об'єктивізації культури Західної Європи, про її руйнування механізованою цивілізацією. Відзначено особливості модернізму в Європі й Росії з погляду філософа, а також сформовано уявлення про «російську ідею» і месіанство російської культури в християнській еволюції розуміння ролі творчості. Виділено поділ культури у філософії Бердяєва на аристократичну й демократичну, а також їхнє співвідношення в сучасному суспільстві.

Ключові слова: модернізм, соцреалізм, культура, цивілізація, «російська ідея», аристократизм, демократизм, антикультура, контркультура, маскультура.

Речь идет о малоизученном направлении философии Н. Бердяева. Проанализировано эстетически-философское восприятие Бердяевым нового течения в культуре через призму философии воли и творчества. Сделан акцент на представлении Н. Бердяева о возможности дальнейшей объективации культуры Западной Европы, о ее разрушении механизированной цивилизацией. Отмечены особенности модернизма в Европе и России с точки зрения философа, а также сформировано представление о «русской идее» и мессианстве русской культуры в христианской эволюции понимания роли творчества. Выделено разделение культуры в философии Бердяева на аристократическую и демократическую, а также их соотношение в современном обществе.

Ключевые слова: модернизм, соцреализм, культура, цивилизация, «русская идея», аристократизм, демократизм, антикультура, контркультура, маскультура.

The article deals with the less studied area of philosophy Berdiaev. We analyze the aesthetic – philosophical perception by Berdiaev new trend in culture through the prism of the philosophy of freedom and creativity. We focus on the representation of N. Berdiaev the possibility of further objectification of Western European culture, its destruction of mechanized civilization. There have been features of modernism in Europe and Russia from the standpoint of the philosopher, and forming the conception of the «Russian idea» and messianism Russian culture in the evolution of the Christian understanding of the role of creativity. Provided the separation of culture in the philosophy of Berdiaev on aristocratic and democratic, and their relationship in modern society.

Keywords: modernism, socialist realism, culture, civilization, «Russian idea», aristocracy, democracy, anti-culture, counterculture, mass-culture.

Культура модернізму – маловивчений напрямок у філософії. Мало хто з філософів займався вивченням питань історичної значимості модернізму в суб'єктивній творчості людини. Російський релігійний філософ-екзистенціаліст М. О. Бердяєв (1874–1948) – один з перших порушив питання взаємини творчості й культури в історії. У даній статті мова йтиме про ставлення Миколи Олександровича Бердяєва до модерністського мистецтва ХХ ст.